

История политических и правовых учений

Новая историография политico-правовой мысли как насущная задача юридических наук

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования более эффективной и перспективной историографии политической и правовой мысли. Причины неудовлетворительного состояния некоторых существующих подходов и в зарубежной, и в российской литературе видятся как в объективно происходящих процессах изменений социальных требований к качеству правовых знаний, так и в различных практиках, в основе которых используются устаревшие и нередко идеологические модели. Критические замечания в адрес различных аспектов историографических подходов в области истории правовой мысли обусловлены конкретными наблюдениями и ни в коем случае не предполагают отрицания лучших образцов интеллектуальной культуры. Лейтмотивом настоящего исследования является положение о том, что история правовой мысли в своей историографической основе, как и духовная культура вообще, предполагает не идеологические построения, осуществляемые по разным соображениям, а лишь два существенных аспекта, каждый из которых должен иметь равноправное значение и прописку в области современных практик освоения истории правовой мысли: событийный и обыденный слои (по аналогии с культурологическими идеями А. М. Панченко).

Ключевые слова: принципы историографии, история правовой мысли, источники познания права, русская правовая мысль, англо-американская правовая мысль, немецкая правовая мысль, правосознание, литература, правовая культура, язык права.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101

Владимир Сергеевич
ГОРБАНЬ,
заведующий сектором
философии права,
истории и теории
государства и права,
руководитель
Междисциплинарного
центра
философско-правовых
исследований
Института государства и
права РАН,
доктор юридических наук
gorbanv@gmail.com
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Vladimir S. GORBAN,

Head of the Sector of philosophy of Law,

history and theory of state and law,

Head of the Interdisciplinary center for philosophical and legal studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,

Dr. Sci. (Law)

gorbanv@gmail.com

10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

New Historiography of Political and Legal Thought as an Urgent Task of Legal Sciences

Abstract. The article deals with the problem of forming a more effective and promising historiography of political and legal thought. The reasons for the unsatisfactory state of some existing approaches, both in foreign and Russian literature, are seen both in the objectively occurring processes of changes in social requirements for the quality of legal knowledge, and in various practices based on outdated and often ideological models. Critical remarks about various aspects of historiographical approaches in the field of the history of legal thought are conditioned by specific observations and in no way imply the denial of the best examples of intellectual culture. The *leitmotif* of this study is the position that the history of legal thought in its historiographical basis, as well as spiritual culture in general, does not imply ideological constructions carried out for various reasons, but only two essential aspects, each of which should have equal significance and registration in the field of modern practices of mastering the history of legal thought: event and everyday layers (by analogy with the cultural ideas of A. M. Panchenko).

Keywords: principles of historiography, history of legal thought, sources of knowledge of law, Russian legal thought, Anglo-American legal thought, German legal thought, legal consciousness, literature, legal culture, language of law.

История политической и правовой мысли составляет важнейшую часть всей системы знаний о праве. Сложно вообще представить сколько-нибудь удачную и эффективную интеллектуальную культуру, которая могла бы обойтись без обращения к наследию прошлого и лучшим образцам обсуждения государства и права современности. Однако опыт многих стран показывает, что в настоящее время исторические сведения о праве как бы выводятся за скобки передовых форм обучения юристов.

Например, на родине выдающихся мыслителей Нового и Новейшего времени, внесших значительный вклад в развитие всей современной юридической науки, — в Германии — изучение философии права, которая включает в себя отдельные блоки по истории античной и западноевропейской правовой мысли, является факультативным, отнесено к дисциплинам по выбору. Причем выбрать можно в качестве альтернативы национальную историю права (не всеобщую;

изучение всеобщей истории государства и права — одна из особенностей российского образования) или основы государственного строительства. Вероятно, единственное, что сегодня обеспечивает сохранение таких дисциплин в немецком юридическом образовании, это то, что освоение курса по одной из них по-прежнему является одним из обязательных условий, например, для претендентов на должности судей.

Игнорирование и недооценка значения истории политico-правовой мысли связаны с определенными объективными изменениями в характере востребованных современным обществом знаний, нацеленными, как правило, на быстрый и практический результат, а не на фундаментальные и перспективные идеи. Однако для русской литературы, например, наряду с ее особым интересом к прошлому, характерна «устремленность к будущему»¹ — черта, свойственная «всей русской интеллектуальной жизни»².

Большую роль в формировании историографии политico-правовой мысли играют и другие факторы, которые нередко носят идеологический и квазирелигиозный характер и весьма инертны для любого конструктивного развития правовых знаний.

Одним из таких существенных факторов в развитии политico-правовой мысли является формула ее историографии. Если сделать детальный обзор различных вариантов описания истории политico-правовой мысли в разных образцах иностранной и отечественной литературы, то однозначный вывод можно сделать только один — структура и содержание истории политico-правовых знаний не отвечают часто ни требованиям достоверности, ни запросам современного общества.

Прежде всего пока не существует никакой универсальной структуры или принципов описания истории политической и правовой мысли. В каждой стране, и в каждой европейской стране, совершенно по-разному излагается история формирования правовых идей. Например, немецкая правовая мысль, особенно в современном изложении, рассматривает себя прямой наследницей не только римской, но и чуть ли не эллинской интеллектуальной традиции. В итоге часто появляются такие произвольные представления, как, например, у М. Хайдеггера, о том, что философия может быть только в западноевропейском исполнении, а все остальное просто не философия³. Этому можно возразить его же аргументом, о том, что в чистом виде может быть только античная философия, а все остальное не более чем разнообразная историческая периферия по отношению к ней.

Во французской литературе история политico-правовой мысли описывается совершенно по-своему, да и вообще она, скорее, склоняется не к истории философии права, а именно к истории политической мысли. Например, французская политico-правовая мысль внутренне не усвоила такое немецкое явление, как «правовое государство» (Rechtsstaat), подчеркивая, что французскому научному

¹ Лихачев Д. С. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 231.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 232.

³ Хайдеггер М. Гегель. Негативность. Разбирательство с Гегелем в ракурсе вопроса о негативности. «Введение» в «Феноменологию духа». СПб., 2015. С. 9.

менталитету ближе идея политической власти, а не идея государства как аппарата или механизма.

Среди изданий двух-трех последних десятилетий активно «переустраивается» американская историография в направлении признания себя прямым и наиболее прогрессивным продолжателем мощных философских традиций, восходящих к античному миру. При этом появляются такие парадоксальные конструкции, как американская *философия права*, или даже «философия права в мире общего права»⁴.

Возражения вызывает сама идея философии права в американской интеллектуальной культуре. Американские юристы гордятся тем, что почти как герой знаменитого романа Сервантеса они на протяжении уже долгого времени, немногим более века, активно борются с любой понятийностью и концептуальностью в области права, объявляют понятие права и любое юридическое понятие главным своим врагом, стремятся принципиально отвергнуть теоретическое мышление, которым традиционно гордился европеец. Взамен предлагается некая другая парадигма мышления, основанная не на теоретических знаниях, а на разнообразных практических советах. Этому очень сильно подыгрывает попытка переустроить научное знание на началах постметафизики (постмодернизма), которая главную свою задачу видит в отказе от таких фундаментальных категорий, как «сущность», «понятие» и т.п. Весьма выгодная для продвижения англосаксонского правового мышления парадигма. В такой культуре нет места истории мысли, как чего-то определенного и достоверного. С такой точки зрения она может быть сконструирована в любой интерпретации, причем каждый раз заново.

К. Ллевеллин весьма ясно выразил основную установку американской правовой мысли в идеи «моя философия права»⁵. Он, в частности, писал, что единственным важным для американских юристов в части философии права является не продолжение или разрешение спора о том, истинна или обоснованна та или иная концепция правопонимания или нет, а лишь то, почему юристы пользуются установками той или иной концепции философии права и служит ли это им удовлетворительно. Иными словами, философия права сводится не к ней как таковой, а лишь к советам и обмену опытом по поводу практического использования в повседневной деятельности тех или иных идей предшественников. Такая установка не нова⁶.

Ведь даже по замыслу самих американских юристов они не работают с формированием концепций, учений и других форм теоретических знаний, а нацелены на совершенно иной подход, смысл которого сводится к отысканию практического совета, частного поучения, и направлены они не на будущее, а на разрешение текущих задач. Отсюда и так называемый американский правовой реализм никак не связан с тем, чтобы признавать и особым образом объяснять реальность права. Ему в принципе не свойственна онтологическая направленность. В данном случае слово «реализм» не содержит ни философского, ни какого-либо

⁴ A history of the philosophy of law in the common law world, 1600—1900. Dordrecht, 2007.

⁵ Llewellyn K. N. On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 82. 1934. №. 3. P. 205—212.

⁶ См.: Авенариус Р. Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. М., 2007 ; Max Э. Принцип сохранения работы. СПб., 1909.

теоретического смысла. Это просто обобщающее название для совершенно разбросанных высказываний, суждений, призывов, лозунгов и других средств, которые в совокупности имеют одну общую черту — акцентировать значение конкретного и практического. И отнюдь не значит, что эффективного.

Для американской юриспруденции не бывает правомерных решений вообще, так как такого рода характеристика будет зависеть не от какого-то принципа или идеи, а, например, от партийной принадлежности судьи, выносящего решение по конкретному делу. Поэтому, если пытаться излагать историю американской правовой мысли в виде учений, концепций, теорий разных авторов, то такой подход в принципе игнорирует сущностное содержание американской интеллектуальной правовой культуры. Такой вариант лишь служит искусственному и адаптированному пониманию американских авторов как якобы продолжателей глубоких философско-правовых и теоретико-правовых традиций, что весьма мало соответствует действительности.

Напротив, если точно описываются смысл и назначение соответствующих подходов, как доказавших состоятельность, так и слабых, то при этом история правовой мысли или история интеллектуальной и духовной культуры обсуждения права и государства становится значительно более познавательной, социально-практической и перспективной. Восторженные идеи судьи О. Холмса или ботаника по образованию, но ученого-юриста по призванию Р. Паунда, почерпнутые у европейских предшественников и современников, не только с трудом пробивали себе дорогу, но вообще в итоге почти не утвердились в американской юриспруденции, превратившись в различные программные лозунги, авторитетные образы, символические атрибуты.

С точки зрения истории именно юридической мысли, например, английская литература XIX в. почти не представляет существенного интереса для общемировой истории. В начале века заметной фигурой является И. Бентам, а позднее Д. Остин. Практически этим и ограничивается вся история английской правовой мысли в XIX в. Американский юрист Д. Грэй, профессор права в Гарвардском университете, в начале XX в., а именно в 1909 г., в работе под названием «Природа и источники права» писал следующее: «Около пятидесяти лет назад я наткнулся на экземпляр книги Остина “Определение области юриспруденции”, которую тогда мало читали в Англии и почти не знали в этой стране [США]»⁷.

Английский историк Ш. Амос в 1872 г. писал, что будущее английского правоведения зависит от того, насколько английские юристы будут знать французскую и особенно немецкую юридическую литературу⁸. В конце XIX в. немецкий правовед К. Бергбом писал: «На континенте, вероятно, Гоббс и Локк — известные имена более раннего, Бентам и Джон Ст. Милль более позднего времени; но об “аналитической школе” английских юристов, их единственной, к сожалению, почти ничего не знают по эту сторону канала. Для этого англичане, со своей стороны, не оказали значимого влияния ни на одну из наших школ и ни на одно из направлений. Напротив, философия права от Гроция до Гегеля и учение исторической школы, а позднее разве что сочинения Тренделенбурга и фон Иеринга,

⁷ Gray J. The nature and sources of the law. New York, 1909. P. VII.

⁸ Amos Sh. A systematic view of the science of jurisprudence. London, 1872. P. 505.

хотя и знакомы им, но почти не восприняты ими; новейшие достижения немцев им вообще совершенно чужды. Они просто игнорируют друг друга»⁹.

В XX в. английская литература представляет чуть ли не единственную значимую фигуру в истории правовой мысли — оксфордского юриста, неопозитивиста Г. Харта, который подчеркивал, что его размышления о понятии права и философско-лингвистическом анализе его имеют отношение только к области анализа английского общего права, не претендуя на универсальность и концептуальность¹⁰. История английской юридической мысли представляет собой вполне конкретное и региональное явление. В ней присутствуют элементы, которые могут иметь познавательное значение для истории правовой мысли. Однако с точки зрения историографии правовой мысли, т.е. истории правовых идей, теорий, учений, концепций, английская юриспруденция последних двух веков явно не представляет собой какого-то выдающегося явления.

В отечественной литературе в основном использовалась и используется немецкая модель истории философии. По набору мыслителей и учений в основном наша историография ориентируется на традиционное и уже доведенное почти до автоматизма подражание немецкой традиции. Можно в связи с этим привести пример истории философии Гегеля¹¹, одной из фундаментальных заслуг которого было отыскание логики в истории, в том числе в истории мысли. Безусловно, немецкая литература играла и играет большую роль в истории правовой мысли последних двух веков. Зарубежную юридическую литературу нужно знать и знать хорошо, проводить фундаментальные и глубокие исследования. Однако сегодня никак нельзя довольствоваться теми формулами, по которым формировалась историография двести лет назад, тем более что они носят внешний, заимствованный характер. При этом зарубежная историография политической и правовой мысли сама развивается дальше.

Русская правовая мысль отнюдь не ограничивается какой-то европеизированной традицией. Это своего рода идеологический парадокс. Традиционно история политico-правовой мысли в России показывается сквозь призму соприкосновения с якобы прогрессивной европейской политico-правовой мыслью и образованием. В значительной степени это большой исторический миф. В связи с этим возникает такой провокационный вопрос: какой же вариант европейских идей наиболее ценный?

Например, два известных немца XIX в. родились в один год — в 1818 г. — Р. Иеринг и К. Маркс. Первый уверял, что за право надо бороться, а кто не борется, тот совершает прегрешение не только перед самим собой, но и перед своими современниками; второй уверял, что по мере достижения желаемого им социального идеала право, мораль, религия должны просто отмереть как химеры, совершенно лишние в бесклассовом обществе. Р. Иеринг, написав много по-настоящему интересных юридических сочинений, в итоге, особенно в поздний период в «Цели в праве», «Воли к владению»¹², уверял, что право — это путь

⁹ Bergbohm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig, 1892. S. 12.

¹⁰ Hart H. The concept of law. Oxford, 2012.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2000.

¹² Jhering R. Der Besitzwille. Jena, 1889.

к нравственности, необходимое средство для обуздания эгоизма и достижения нравственного состояния. Но в XI в. русский митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» уже размышлял о том, что закон служит средством для обретения христианской благодати и истины¹³. Р. Иеринг по сравнению с Иларионом современный писатель, но разве это отменяет суть идей?

Развитие правовой мысли в Западной Европе и в России происходило в целом весьма сопоставимо. Если мы обратимся, например, к немецким источникам конца XVIII в., то можно сделать ряд интересных наблюдений и выводов. Этот исторический период особенно важен, так как дисциплинарно-предметная форма юридической науки, в том числе история правовой мысли как дисциплина, появляются только в XIX в. Особенно интересны работы Г. Гуго из Гёттингена, которого рассматривают то как основателя, то как предтечу исторической школы права. Он, в частности, сообщал, что нигде так плохо не обстояли дела в конце XVIII в., как в сфере преподавания юриспруденции.

Но это даже не самое главное. Важнее то, что Гуго пытался реформировать крайне неудовлетворительное юридическое образование. Не было никакой теории права как науки. Например, у него же можно узнать, что, например, размышления Лейбница о юридическом методе были совершенно забыты в Германии к тому времени. Вся юриспруденция сводилась к составлению сборников из отдельных римских источников и их комментированию. Не было никакого развития правовой мысли, особенно два предшествующих столетия до этого были временами полного застоя. Об этом прямо свидетельствуют как источники рассматриваемого и последующих периодов, так и более современные работы, например «История частного права Нового времени» Ф. Виакера¹⁴.

Большая заслуга Г. Гуго заключалась в том, что он впервые попытался, хотя еще весьма неудачно, сформулировать некую «философию позитивного права»¹⁵, которая должна была стать тем, что сегодня называется теорией права. Изначально он подражал системе Канта, другой просто не было, особенно в юридической литературе. Однако это мало способствовало развитию науки о праве. И вот он совершает своего рода открытие, обратив внимание на то, что систему права нужно искать не у Канта, а в самих римских источниках, найти их внутреннюю систему.

Наряду с этим, он требует преподавания юриспруденции на немецком языке, пишет первые юридические учебники на родном языке. Открытие истории вдруг приводит к оживлению интереса в поиске античных источников. Многие ученики Гуго активно последовали его призывам, в том числе К. Савини. Процесс этот шел не быстро. Гуго позже почти совсем забыли. Савини после нашествия Наполеона, а вовсе не вследствие какого-то научного развития, настойчиво призывал не вмешиваться в ход истории законодательством, предоставив возможность народному правосознанию немцев дозреть до собственных кодексов и уложений¹⁶.

¹³ Иларион. Слово о Законе и Благодати / Реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской. М., 1994.

¹⁴ Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. 3., durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.

¹⁵ Hugo G. Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin, 1799.

¹⁶ Savigny F. C. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.

И только в XIX в., когда латынь в юриспруденции сменяется национальным языком, история приобретает логические черты и связи, книжный язык сближается с разговорным(!), так называемый «законный» метод обогащается историческим и философским, постепенно появляется оживление в развитии права, возникает юридическая литература не как отдельное событие, а как жанр, который становится популярным и общедоступным. Однако уже в 1848 г. берлинский прокурор Ю. Кирхманн в своем известном докладе заявил о «бесполезности юриспруденции как науки»¹⁷, настаивая на том, что «на место правоведения, сложного законодательного аппарата и прежней организации правосудия должно заступить самостоятельное правосудие народа согласно нескольким простым основным принципам», что необходимо покончить с практикой, согласно которой «росчерк пера законодателя» и целые библиотеки превращаются в «макулатуру»¹⁸.

Лишь в 1850-е гг. заметно развитие науки права как полноценной юридической дисциплины. Особенно наглядно это показывают работы Р. Иеринга, обобщение результатов которых в части статуса и задач юридической науки он предложил в венском докладе 1868 г. «Является ли юриспруденция наукой?»¹⁹. Поэтому история правовой мысли должна изучаться не в виде набора разнообразных персонажей и событий, которые далеко не всегда связаны между собой, а в виде последовательного изложения весьма конкретной и документальной истории правовой мысли, ее генезиса, формирования, периодов зрелости и других важных аспектов.

Известный немецкий юрист и философ права второй половины XX в. А. Кауфманн отмечал важную деталь в истории правовой мысли, которая весьмаозвучна высказываемым в настоящей статье соображениям. Он, в частности, писал: «В XIX в. гегельянство и марксизм были эпизодами. Различные гегелевские школы, «правые» и «левые», находились вне интеллектуальных течений эпохи и поэтому на философию права и правоведение не оказали почти никакого влияния. В принципе это относится также к Фихте и, с некоторыми ограничениями, к Шеллингу, который все-таки имел некоторые отношения с исторической школой права. В современной философии права, и не только в Германии, это удивительным образом изменилось; философы немецкого идеализма... получают все больше внимания»²⁰.

Русская литература в принципе старше английской, немецкой и французской. Государство ведет свое летосчисление с IX в. Однако по какой-то парадоксальной логике и философия, и правовая мысль оказались почему-то «завезенными» лишь в эпоху Просвещения.

Д. С. Лихачев писал: «Русская литература (проза, поэзия, драматургия) — это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность»²¹; «...русская культура иная по типу, чем культуры Запада»²².

¹⁷ Kirchmann J. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.

¹⁸ Kirchmann J. Op. cit.

¹⁹ Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Göttingen, 1998.

²⁰ Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004. S. 70.

²¹ Лихачев Д. С. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 236.

²² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 237.

Первое, что необходимо сегодня реализовать в области историографии политической и правовой мысли, заключается в корректном и квалифицированном обослении истории правовой мысли от политических учений, истории государства и правоведения. Речь ни в коем случае не идет о том, чтобы исключить политические идеи из сферы внимания юристов. Однако с учетом мирового опыта юридическая мысль должна изучаться и излагаться именно как юридическая мысль, а не как философская, религиозная, политическая, этическая и, наконец, правовая мысль одновременно. Право представляет собой явление культуры, а не только логики. Представления философов о праве и государстве имеют большое значение для политico-правового мышления в целом. Но если смотреть на историю правовой мысли исключительно глазами философа, то право можно и не заметить, особенно когда, как часто случается в современном мире, новые философские концепции требуют чуть ли не переустройства всего мира, замены базовых ценностей. В свою очередь, источниками для отыскания идей правового характера могут и должны быть самые разнообразные материалы. Однако история правовой мысли в ее дисциплинарной форме должна все же быть самодостаточной и не впадать в крайности самостоятельности и несамостоятельности.

Далее, существенно большее значение должно получить источниковедение, а круг изучаемых источников должен быть значительно шире. Об этом писали ранее. Например, П. В. Деларов настаивал на том, что если право следует искать в сознании или душе человека, как уверяют философы-субъективисты и юристы психологического направления (он и сам к ним принадлежал), то почему профессионально не изучается литература, особенно романы, описывающие душевные переживания человека.

Аналогичную точку зрения высказывал позднее В. Г. Графский, говоря о том, что юриспруденция должна шире смотреть на источники необходимых знаний. Речь, конечно же, идет об изучении культуры народа, его представлений о справедливом и целесообразном, об образах порядка и образах будущего, о жалобах, наставлениях и поучениях, которые формируют основы нравственности и правосознания. Это в том числе способ познания национального языка права, его внутренней грамматики, смысла и назначения идей порядка, устройства и мира. Например, из произведений В. Гюго можно перечерпнуть весьма познавательные сведения о состоянии законности и правосознании чиновничего сословия во Франции.

История правовой мысли должна найти компромисс между институциональными характеристиками права и интеллектуально-духовными или ментальными моментами правосознания. Для этого могут служить снова новые источники изучения культуры правосознания, литературы, языка и других форм выражения права. Известный немецкий историк права Ф. Виакер построил свой фундаментальный труд по истории частного права на основе гипотезы о том, что интерес и приобщение средневековых европейцев к источникам римского права были связаны с унификацией логических форм мышления и обучения на базе учебных стандартов позднелатинской школы. Нужны были придворные знатоки законов, делопроизводители, писари, но для этого нужно было их учить думать одинаково и понятными логическими фигурами, записывать акты ясно и разборчиво. Формы обучения в латинской школе стали основой для европейского образования.

Должен быть реализован принцип документальности и достоверности. Классика мало нуждается в интерпретациях, а по большей части в квалифицированном прочтении. Отбор источников познания и работа с ними должны соответствовать требованиям точности изложения, описания, разъяснения, критического восприятия. Например, текстологический анализ юридических сочинений позволяет многое рассказать о характере правовых взглядов, изменениях языка, понятий, композиционной структуре.

Существенно большую роль должен играть сравнительный подход, когда состояние литературы и правовых институтов в синхронном или диахронном сравнении точно распознается и оценивается. История правовой мысли должна быть конкретной, а не только культурно-феноменологической и философской. Например, наличие университетов в некоторых странах позднесредневековой Европы и подготовки юристов само по себе ничего не говорит о содержательной стороне правовой мысли и правосознания, даже в XVIII в.

Важно прямо сопоставлять состояние правосознания и значение правовых идей. Например, понимание права как *всеобщего* закона свободы, согласно учению Канта, не относилось к женщинам; он не признавал их равенства. Когда Кант своим критицизмом теснил романтизм разумного естественного права, в Европе, в частности в Швейцарии, еще приводились в исполнение приговоры о сожжении за колдовство.

Наконец, история правовой мысли должна усиливать социально-практическую направленность, показывать более точно связь учений с социально-практическими результатами. Она должна уметь распознавать то, какое хождение имели те или иные идеи, служили ли они воспитанию и образованию, какие конкретно социально-практические результаты вызывали определенные учения и теории.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авенариус Р. Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. — 2-е изд., стер. — М. : URSS, 2007. — 50 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. — СПб. : Наука, 2000. — 477 с.
3. Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. — 2-е изд. — СПб. : Шиповник, 1910. — 237 с.
4. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской. — М. : ПИФ «Столица» ; НИЦ «Скрипторий», 1994. — 143 с.
5. Лихачев Д. С. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : Изд-во СПбГУП, 2006. — 448 с.
6. Мах Э. Принцип сохранения работы: история и корень его. — СПб. : тип. т-ва «Обществ. польза», 1909. — 68 с.
7. Хайдеггер М. Гегель. Негативность. Разбирательство с Гегелем в ракурсе вопроса о негативности (1938—1939, 1941). «Введение» в «Феноменологию духа» (1942). — СПб. : Владимир Даль, 2015. — 320 с.
8. A history of the philosophy of law in the common law world, 1600—1900 / by Michael Lobban. — Dordrecht : Springer, 2007.

9. Amos Sh. A systematic view of the science of jurisprudence. — London : Longmans, Green, 1872. — 545 p.
10. Bergbohm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. — Bd. 1 : Einleitung. Abh. 1 : Das Naturrecht der Gegenwart. — Leipzig : Duncker & Humblot, 1892. — 566 S.
11. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach... 7., neu bearb. und erw. Aufl. — Heidelberg : Müller, 2004. — 515 S.
12. Gray J. The nature and sources of the law. — The Columbia University Press, 1909. — 332 p.
13. Hart H. The concept of law. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — 333 p.
14. Hugo G. Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil : Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. — Berlin : Mylius, 1799. — 405 S.
15. Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. — Göttingen : Wallstein-Verl., 1998. — 208 S.
16. Jhering R. Der Besitzwille: zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode. — Jena, 1889. — 540 S.
17. Kirchmann J. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. — Berlin : Springer, 1848. — 44 S.
18. Llewellyn K. N. On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review. — Vol. 82. — 1934. — № 3. — P. 205—212.
19. Savigny F. C. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. — Heidelberg : Mohr und Zimmer, 1814. — 162 S.
20. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3., durchgesehene Auflage. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2016. — 659 S.

